

АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р

И
✓
с англ. и

1

13
7

18/15

1 · 9 · 3 · 7

ЖИЛОЙ ГОРОДСКОЙ ДОМ БУХАРЫ И ХИВЫ¹

А. ПИСАРЧИК

БУХАРСКИЙ ЖИЛОЙ ДОМ

Приступая к постройке дома, бухарский «мемор» (мастер-строитель) прежде всего определяет страны света для того, чтобы соответственно расположить все комнаты дома и, в первую очередь, центральное летнее помещение.

После того как определено место для каждого помещения, намечают контуры канавок для фундаментов и будущих стен.

Надворные постройки иногда имеют отклонения от прямоугольной формы, в жилых помещениях отклонения встречаются реже. По словам мастера-строителя Усто Ибрагима Хафизова, отклонения от формы прямоугольника в них не допускаются. Если южная граница дворового участка, вдоль которой должна быть расположена летняя комната, имеет криволинейную конфигурацию, стена этой комнаты утончается с одной стороны и расширяется с другой — настолько, насколько этого требуют обстоятельства. Разница между толщиной обоих концов стены достигает иногда 40—50 см. Такая неравномерность толщины стены получает отражение и в интерьере.

Нити этой стены обычно также не одинаковы: те, которые находятся в утолщенной части стены — глубже, чем находящиеся в узкой ее части.

Наметив контуры комнат, мастер приступает к выравниванию плоскости пола каждого помещения. Установив расположение отдельных помещений, приступают к закладке фундамента — «курси».

В надворных постройках фундамент закладывается на глубину от 20 до 75 см. Стена в этих помещениях начинается от поверхности земли.

В большом летнем жилом помещении, а также в прочих жилых комнатах фундамент закладывается глубже и выступает над землей не менее, чем на два «билиска» (две четверти). На этой высоте начинается кладка стен или укрепляются нижние горизонтальные балки каркаса, называемого в Бухаре «сындзь».

В надворных постройках чаще всего применяется однорядный каркас и фундамент шириной в полтора кирпича. В жилых помещениях принят двухрядный каркас с соответственно более широким фундаментом.

Лет 60—70 назад фундаменты домов в своей надземной части обычно не превышали высотой 2—3 четвертей, доходя в домах зажиточных людей до одного «гяза» (около 85 см). Эту же высоту имела и традиционная бухарская «суфа» — площадка, выложенная кирпичом, находящаяся непосредственно перед летним помещением. За последние полвека фундамент бухарского дома, а вместе с ним и суфа, неизменно поднимались вверх. В богатых домах к началу XX века средняя высота фундамента и суфы достигла 1,5—2 м. «Суфа», кроме того, разрасталась еще и в пространстве.

Местные мастера объясняют это явление тем, что новые

дома большей частью строились на развалинах старых и при все возрастающей дороговизне было нецелесообразно вывозить мусор. Гораздо дешевле было несколько поднять фундамент и под пол комнаты ссыпать весь мусор. К тому же, чем выше фундамент и чем выше, следовательно, помещаются жилые летние комнаты, тем в них прохладнее. Наконец, объяснение эволюции стиливых форм бухарского жилища местные мастера видят и в резком изменении общественных вкусов. Новые моды, появившиеся во второй половине XIX века, наложили свой отпечаток не только на архитектуру, но и на всю область бытового искусства (утварь, одежда, ткани, вышивка). В отделке жилища происшедшая перемена сказалась, пожалуй, наиболее резко. Скромная отделка стен жилых комнат белыми некрашенными панно, покрытыми иногда высокохудожественной резьбой, постепенно сменяется многоцветными резными декорациями, бордюрами, полуколонками и поражающими своим многообразием «шарафами» — сталактитообразными фризами вдоль стен и потолков. Такими же сталактитообразными сводами обрабатываются стеновые нити — «токча».

В результате резкого поднятия фундамента открылась возможность использовать пространство, находящееся под «суфой». В старых домах, в которых фундамент отстоит всего на 2—3 четверти от земли, было труднее строить так называемые «тагьхона» — полуподвальные складские помещения.

С поднятием фундамента строить «тагьхона» стало гораздо легче, и они очень широко распространились в Бухаре. Быть может, этому способствовало и то обстоятельство, что создающаяся новая обстановка жизни требовала расширения жилища, а земельные участки повышались в цене. И жилище, не имея возможности расти вширь, росло вверх. Перед революцией «тагьхона» встречались в каждом среднем по зажиточности бухарском доме.

Стены бухарского жилища утверждаются обычно на однорядном или двухрядном каркасе. Лучшим материалом для каркасных балок считается арча, которая прекрасно сохраняется сотни лет. Промежутки между стойками каркаса закладываются сухими комками глины или сырцовым кирпичом. Сверху каркас покрывается штукатуркой из глины с саманом. Стены жилых помещений покрываются двумя или тремя слоями ганча, по которому бухарские мастера — «гилькоры» с удивительным искусством вырезают сложные геометрические и растительные узоры. Стена по внешней ее стороне на каждые 10 гязов суживается «на 4 пальца» (8—9 см) — внутренняя сторона выводится строго по отвесу.

На верхние горизонтальные балки, связывающие вертикальные стойки каркаса, накладываются открытые потолочные балки «болер», промежутки между которыми, называемые бухарцами «кодок», закладываются сверху обычными в архитектуре Средней Азии «васса» — половинками разрубленных вдоль на две части жердочек около 60 см длины и около 10 см в диаметре.

Величина комнаты определяется числом потолочных балок, и это отражается в названиях комнаты: девятибалочная, одиннадцатibalочная и т. д. Во всяком случае, в нормальной жилой комнате их бывает не меньше девяти и не более тринадцати. Помещение большего размера с потолком, имею-

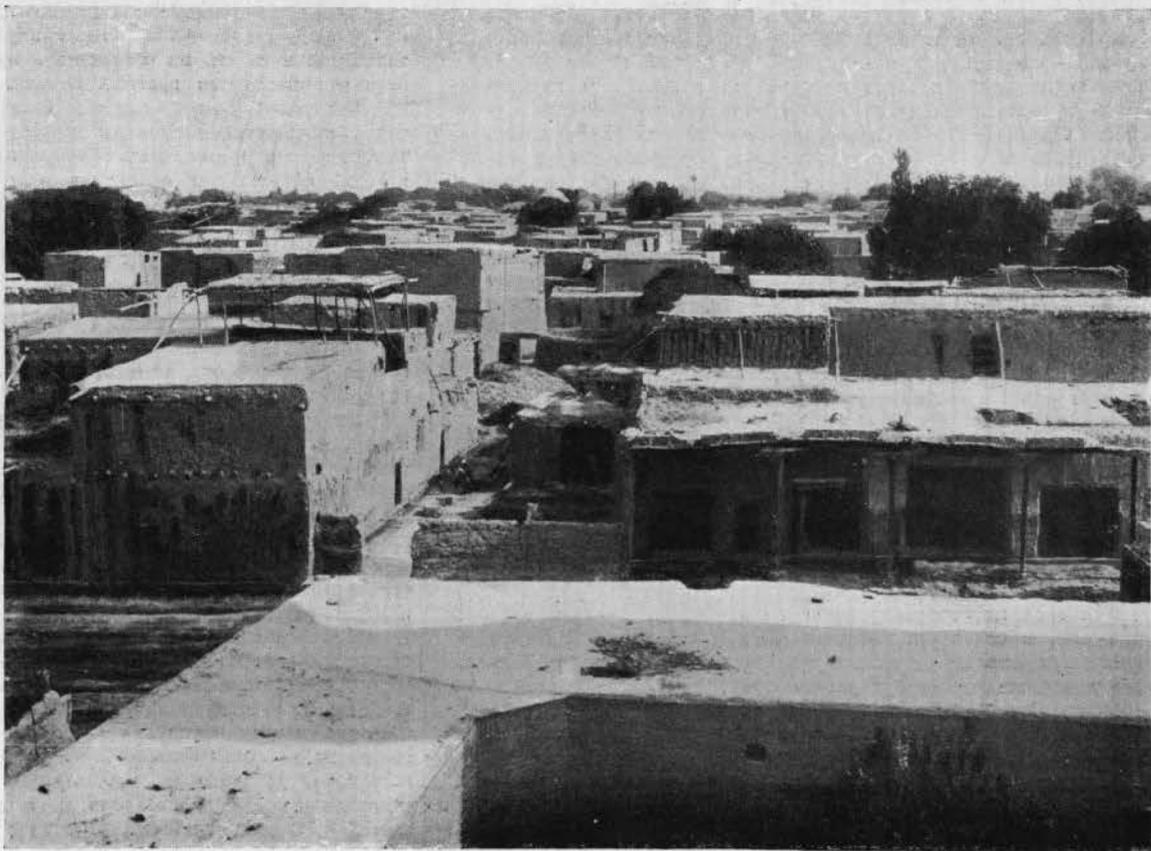
¹ Из материалов экспедиции Узбекистического музея изобразительных искусств в Бухару и Хорезм 1936 г.

Хива
Вид на жилые кварталы
с крыши медресе
Палван-Кари
Видны айваны,
обращенные на север

Khiva
Vue des quartiers
d'habitation prise du toit
du medresséh Palvan-Kari
On voit les aïvans,
orientés vers le nord

Хива
Вид на жилые кварталы
с крыши медресе
Палван-Кари
Видны задние
южные стены айванов,
подпертые жердями

Khiva
Vue des quartiers
d'habitation prise du toit
du medresséh Palvan-Kari
On voit les murs sud
des aïvans supportés
par des pieux

Бухара. Внутренний двор
богатого жилого дома
90-е годы XIX века

Boukhara. Cour intérieure
d'une riche maison
d'habitation
Les 90-mes années
du XIX siècle

щим до 21 балки, встречалось только в домах высшей знати.

В недавнем прошлом потолок бухарского жилого помещения не покрывался росписью. Поперечные балки имели посредине лишь резные украшения. Васса были некрашеные. В домах, построенных более 50 лет назад, потолки строили несколько иначе. Тот же потолок, из балок, покрытых не только резьбой, но и росписью, был окружен по периметру широкой — около 50—60 см — каймой, состоящей из покрытых росписью деревянных квадратов, иногда с ложными купольчиками и «шарафой» (сталактитами), также покрытыми росписью. Пространство между балками — «кадок» заполнялось раскрашенными васса или небольшими продолговатыми дощечками, покрытыми росписью.

Древнейшим является тип потолка — «пушиш-и-даурхошия-и-тахта-манча», т. е. потолок, окруженный каймой, с дощечками «манча». Он состоял из обычных поперечных балок и имел по периметру кайму, состоящую из квадратных расписных дощечек. Пространство же между балками («кадок») в потолках этого типа заполнялось квадратами, состоявшими из нескольких (обычно трех) продолговатых дощечек, шириной в 1 билик (около 20 см) и длиной в 3 билика (около 60 см). На поверхности этих дощечек специальным инструментом, называемым «шугра-и-муканнас-кани», делались на равном расстоянии друг от друга желобки. Между желобками оставались полоски шириной «в один палец» (1,5—2 см), имитирующие очень тонкие васса. Поверхность дощечек в каждом квадрате окрашивалась в один цвет. Квадраты отделялись друг от друга брусом — «бинди», покрытым резьбой и росписью. Иногда квадраты с «тахта-манча» чередовались с обычными гладкими расписными квадратами.

При всем многообразии размеров и оформления бухарских домов они, в основном, построены по одной схеме. Поэтому ограничимся описанием только одного дома, хранящего наиболее типичные черты бухарского жилища.

Дом Муса Ходжи, в прошлом писца эмирской канцелярии — «дивона», выстроенный около 20 лет назад, как и большая часть бухарских домов, обнесена стеной, высота которой равна высоте летнего помещения. В данном случае она достигает 6 м. Вследствие того, что летнее помещение является самым высоким во всем доме (в богатых домах — 5 и более

метров, не считая высоты фундамента), наружные стены дворов, выходящие на улицу, равны по своей высоте 3—10 и более метрам.

В описываемый нами дом вход ведет не с улицы, а через небольшой проход, над которым для экономии места владельцем соседнего участка выстроено какое-то помещение. Вход во двор с северо-запада через ворота, вделанные в стену, толщиной в 40 см, из обожженного кирпича русского типа. За воротами находится крытый проход, называемый «рахрау».

Бухарский дом делился в прошлом на две части: мужскую, внешнюю — «бирун» и женскую, внутреннюю — «дарун». Там, где это допускалось большой площадью участка, для каждой из половин отводился отдельный дворик; в случае же ограниченности места, для мужской половины выделялось только особое помещение — михмон-хона, по возможности изолированное от прочих помещений и имеющее отдельный вход с улицы.

Интересно отметить, что в Бухаре на отделку михмон-хоны и всей мужской половины отнюдь не затрачивалось больше средств и старания, чем на отделку женской половины. Наоборот, последняя, в особенности летняя комната, обычно отделывалась гораздо тщательнее.

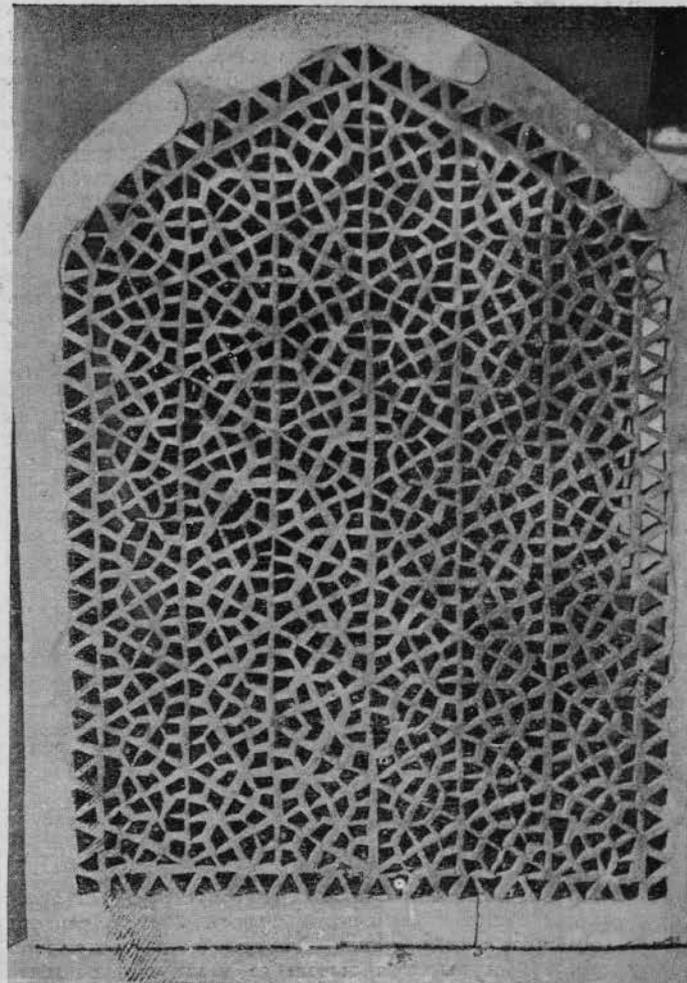
Ее стены покрывались тонкой резьбой и росписью по ганчу, а ниши — шарафой (сталактитами), также расписываемой, причем в выборе узоров для отделки этой комнаты обычно участвовали и женщины. Ее двухстворчатые двери всегда украшались резьбой и над каждой дверью вставлялись двойные ганчевые решетки («тобадон»), различных узоров.

Это помещение, по существу, являлось основным жильем семьи и, следовательно, в его устройстве, главным образом, и отразился многовековой опыт народного зодчества.

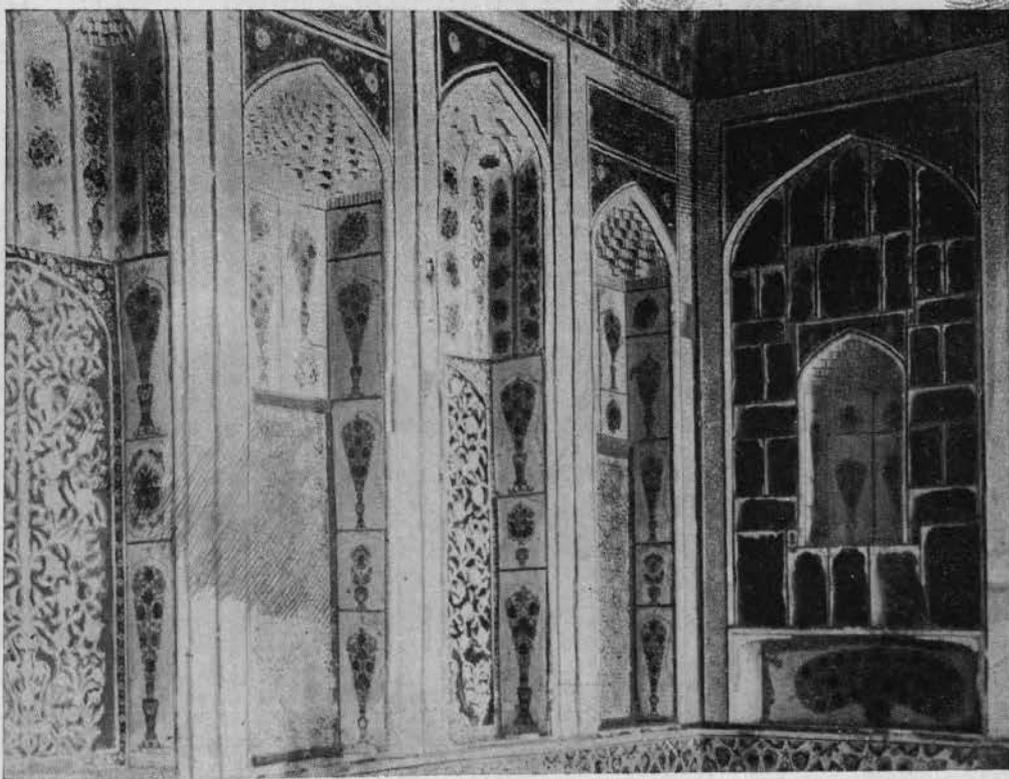
Женская половина, как бы ни был мал дворовый участок, подразделяется на два помещения. Первое из них — летнее помещение — «хона-и-тобистони», называемое еще «хона-и-руйба-боле», т. е. помещение, обращенное на север. Напротив летнего помещения находится второе, основное, помещение дома, называемое «хона-и-зимистони», т. е. «зимнее помещение», обычно обращенное на юг. Зимнее помещение может быть расположено в западной или восточной стороне двора, если это по каким-нибудь соображениям удобнее.

Бухара. Резные двери жилого дома
Boukhara. Porte sculptée d'une maison d'habitation

Бухара. Ганчевая решетка („тобадон“) в жилом доме
Boukhara. Grille d'albâtre („tobadon“) d'une maison d'habitation

Бухара. Декоративное оформление
летней комнаты жилого дома

Boukhara. Décoration d'une pièce d'été
dans une maison d'habitation

В бедных бухарских домах иногда ограничиваются только этими двумя помещениями. В богатых домах число комнат достигает нескольких десятков. В бухарских домах обычно застроено более 500/0 дворового участка, в некоторых же владениях, как, например, в описываемом доме, постройками занято около 800/0 всей площади.

Ввиду необычайной ограниченности места, дворы застроены большей частью со всех четырех сторон. Все помещения, кроме летнего, носят общее название «хонахойи-гуша» — «угловые комнаты», но в то же время они имеют и особые названия по странам света, куда они обращены, и по своему назначению.

Участок описываемого дома настолько мал, что выделить особый дворик для мужской половины не представилось возможным. Поэтому михмон-хона была устроена на втором этаже, а помещение первого этажа «айвон-и-бостурма» было использовано под конюшню.

«Айвон-и-бостурма» размером 460 × 480 см с колонной по середине является закрытым со всех сторон навесом, над которым находится, как уже было сказано, михмон-хона и площадка перед ней.

В юговосточном углу конюшни в небольшом квадратном углублении находится сток для нечистот — «ташнау», под которым вырыт поглощающий колодец. В северозападном углу находятся ступени, ведущие к михмон-хону.

На прилагаемом плане под лит. В обозначен так называемый «да'лиа», т. е. передняя, ведущая в большую летнюю комнату (лит. Г). В случаях, когда, как в данном доме, места очень мало и лишних помещений нет, она служит зимним помещением для семьи и называется «да'лиа-и-зимистони», т. е. зимняя передняя. А если в ней живут, то обязательно рядом с ней должно быть небольшое помещение — «мадон» (лит. Б), со стоком для воды — «ташнау» (нечто вроде умывальной комнаты). «Мадон» является неотъемлемой и характерной частью бухарского жилища.

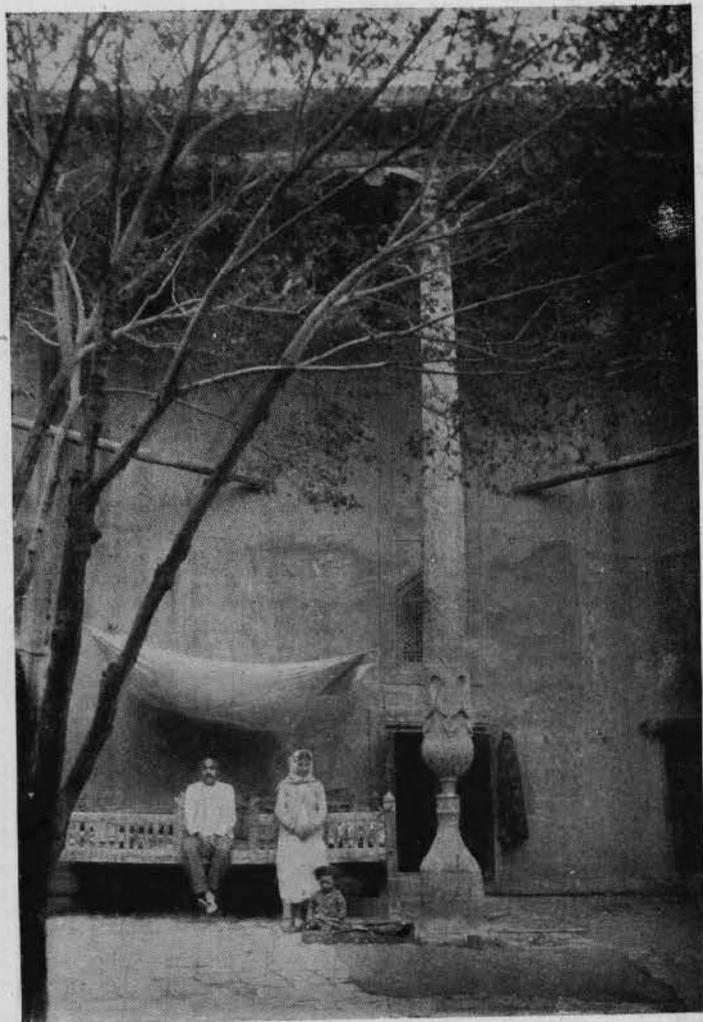
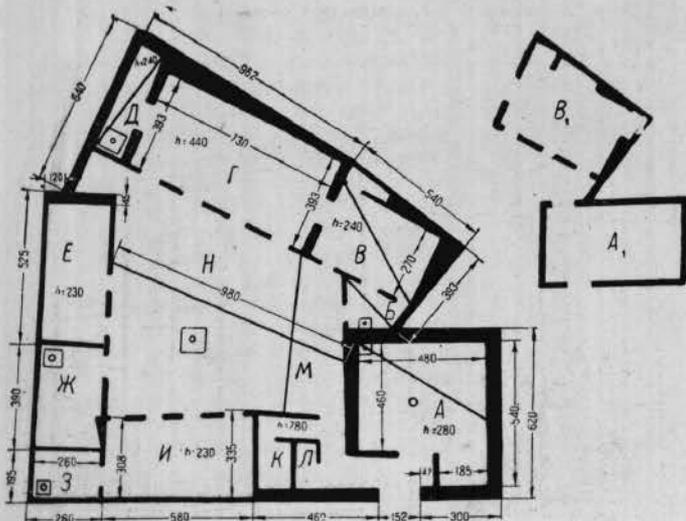
В виду того, что южная стена передней в одной своей части очень толста, строитель поместил в ней ступени, ведущие на второй этаж в «шахнишии». Рядом с передней находится летняя комната «хона-и-руй-ба-боле». Летняя комната строится обычно с соблюдением установленного соотношения между шириной и высотой: высота ее равна ширине плюс два «билиска» (около 40 см). Эти два «билиска», по словам мастера Ибрагима Хафизова, добавляются специально для «парафа», т. е. для узкого сталактитообразного фриза, который окаймляет комнату по верхней части стены под потолком. Зимние жилища для сохранения тепла обычно делаются намного ниже летней комнаты.

Высота «угловых комнат» колеблется от 2,75 до 4 язав.

Бухара. Гузар-Суфиян. Схематический план жилого дома

А — айвон-и-бостурма, Б — мадон, В — да'лиа, Г — хона-и-руй-ба-боле, Д — мадон, Е — хамирхона, Ж — ошхона, З — мадон, И — хона-и-гуша, К, Л — уборная, М — нимайвонча. Второй этаж А₁ — михмон-хона, В₁ — шахнишии

Boukhara. Gouzar-Souffian. Plan schématique d'une maison d'habitation

Хива. Вид на улу-эйван жилого дома

Khiva. Vue d'un oulou-áivan (grande terrasse) dans une maison d'habitation

Как правило, высота их равна половине высоты летней комнаты, поэтому, после надстройки над ними второго этажа, крыша их бывает большей частью в одной плоскости с крышей летней комнаты. В описываемом доме стены жилых комнат не покрыты резьбой или росписью и единственным украшением их являются обычные ниши — «токча», покрытые простой штукатуркой.

Перед летней комнатой находится «суфа» (лит. Н), покрытая жженым кирпичом¹, а под ней «тагхона», об устройстве которой уже говорилось выше.

В доме Муса Ходжи «суфа» имеется только перед летней комнатой.

Вся описанная выше часть дома построена на надземном кирпичном фундаменте. В доме Муса Ходжи, расположенном на неровном участке земли, надземная часть фундамента не одинакова. Она ниже в юговосточной и выше в северозападной части, где она настолько высока, что образует стены «айвон-и-бостурма», в котором помещается конюшня.

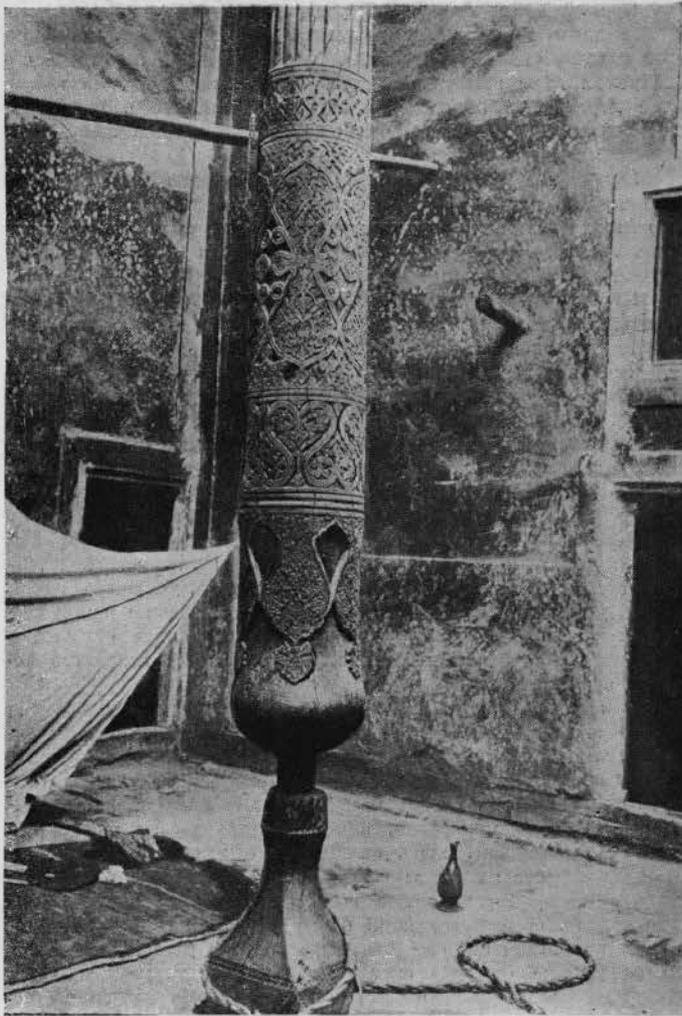
Стены остальных помещений начинаются на уровне земли, т. е. имеют только подземный фундамент.

«Хамирхона» (лит. Е) — это комната для приготовления теста, хранения всяких пищевых припасов и пр.

Рядом с хамирхонной находится «ошхона» — кухня.

Как правило, в бухарской кухне должно быть не меньше

¹ Глинябитные суфы делаются только в кишлаках; в Бухаре они не встречаются. Суфа всегда выкладывается жженым кирпичом.

Хива. Резная деревянная колонна улу-эйвана в жилом доме
Середина XIX века

Khiva. Colonne en bois sculpté du oulou-aiwan dans une maison
d'habitation. Moitié du XIX siècle

четырёх очагов, называемых «оташьдон». В описываемом доме их также четыре.

Дальше, по северной стороне участка, расположена зимняя комната — «хона-и-зимистони» (лит. И) с прилегающим к ней «мадоном» — умывальной (лит. З). Это — постройка из однорядного каркаса с потолком, состоящим из 9 балок.

Дальше на запад, почти у самых входных ворот находятся две уборные (для внутреннего и для внешнего двора и «рохрау» — крытый проход, ведущий со двора через ворота на улицу).

В западной части вдоль стен располагается неширокий (около 2 м) навес (лит. М) — «нимайвонча».

В описываемом доме, вследствие ограниченности места, помещения второго этажа имеют большее значение, чем в более обширных домах. Как уже было сказано, в южной стене, обозначенной в плане под лит. В, имеются ступени, ведущие в «шахниш» (лит. В). Такие шахнишины обычно бывают над передней — «да'лиз», смежной с большой летней комнатой — «хона-и-руй-ба-боле». За последнее время в очень зажиточных домах дополнительные «шахнишины» устраивались в одной из угловых комнат.

В обследованном доме Муса Ходжи «шахниш» летом был излюбленным местопребыванием хозяина. Здесь он работал, сюда приносила ему жена пищу, здесь он проводил часы досуга. В восточной стене «шахнишина» находится окно, выходящее в летнюю комнату — явление обычное в Бухаре; в северной стене — три двери, ведущие на крышу «нимайвонча» (лит. М), и через небольшой переход (лит. Б) в михмон-хону (лит. А).

Михмон-хона (лит. А), как уже сказано, имеет, отдельный вход с улицы через конюшню. Перед ней находится площадка — крыша северной половины конюшни. С восточной стороны эта площадка сплошной каркасной стеной отделена от крыш помещений (лит. З, И, К и Л), служащих местом для спанья членов семьи и называемых «шабга». Эти крыши никаких надстроек над собой не имеют, но от крыши соседнего участка отделены стеной. На крыше «ошхоны» (лит. Ж) в северо-восточной части выделяется «хашьтакь», высота которого достигает уровня забора, остальная же часть крыши находится на одной плоскости с крышей (лит. Е). Над ними, вдоль стены, выходящей на улицу, построен до половины небольшой навес «нимайвонча» — род веранды, шириной немного более 1 м. Вход на эту часть крыши и на веранду — с суфы (лит. Н) по ступеням, выложенным из кирпича.

Над «мадоном» летнего помещения (лит. Д) имеется второй этаж. Это небольшая комнатка, называемая «боলেখона-ипартау», служащая для хранения дынь, винограда и других фруктов, а также складом различной домашней утвари. Вход в нее по приставной лестнице.

Для отопления бухарского дома служит обычный среднеазиатский «садал». Это жаровня, над которой ставится невысокий табурет величиной около 1 м², накрываемый одеялами.

ХИВИНСКИЙ ЖИЛОЙ ДОМ

В Хиве скученность и перенаселенность дают себя чувствовать, пожалуй, не меньше, чем в Бухаре. Дворики большей частью очень малы, а иногда и вовсе отсутствуют.

В этом отношении дом Намала Исхакова, обследованный и нанесенный на план экспедицией, не является типичным. Он строился около 70 лет назад богатым купцом и имеет сравнительно большой двор. В остальном он особенно не уклоняется от обычного типа хивинского жилища.

Схема расположения строений в хивинском доме в основном сходна с бухарской. В хивинском жилище летнее помещение «эйван», расположенное в южной части дворового участка и обращенное на север, также является центральным и вокруг него группируются остальные. Надворные постройки большей частью находятся в северной стороне участка.

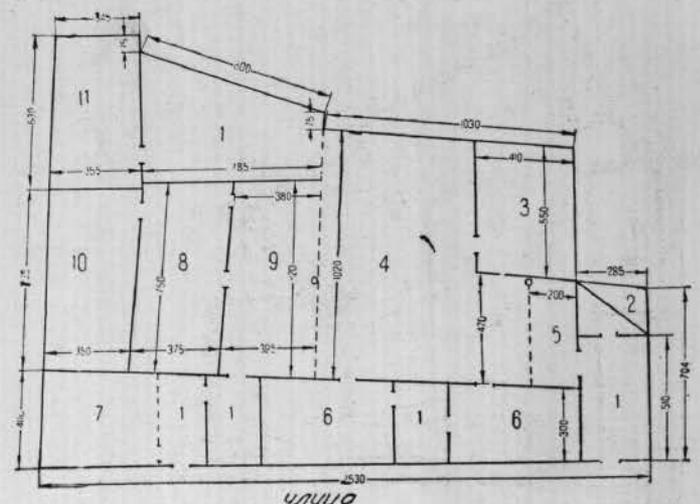
Стена, окружающая хивинское жилище, не так высока, как в Бухаре, и очень редко окружает двор на уровне наиболее высоко поднимающегося во дворе «эйвана». Чаще всего она ниже «эйвана».

В хивинском доме также существовали мужская и женская половины. Для мужской половины выделялся отдельный двор или михмон-хона (комната для гостей) с изолированным входом с улицы.

Хива. Схематический план жилого дома

1 — да'лиз (передняя), 2 — ат-хана (конюшня), 3 — ошхана (кухня), 4 — двор, 5 — терг-эйван, 6 — янбаш-уй, 7 — старая михман-хана (сейчас заброшена), 8 — сарай, 9 — эйван, 10 — казнак (кладовая) 11 — тур-уй (зимнее помещение, теперь заброшенное)

Khiva. Plan schématique d'une maison d'habitation

Вход в описываемый хивинский дом с запада, с улицы. За входной дверью находится крытое помещение, называемое «да'лиз» — передняя. За «да'лизом» находится небольшой сарайчик, служащий конюшней, а над ним, во втором этаже, помещение такого же размера, служащее для хранения фуража и пр. Вход в это помещение по приставной лестнице или через одну из передних, в которой находится ступени, ведущие на крышу.

Дверь в южной стене «да'лиза» ведет во двор в северной части которого, непосредственно перед конюшней и описанным да'лизом (передней), находится так называемый «терс-эйван» (т. е. «веранда напротив»). «Терс-эйван» значительно ниже находящегося против него летнего помещения «улу-эйван» (буквально — «большая веранда») и большей частью располагается перед или около служебных помещений.

Рядом с «терс-эйваном», в восточном углу двора, находится «ошхана» — кухня, выстроенная частью на территории прежнего «терс-эйвана», который первоначально был гораздо больше.

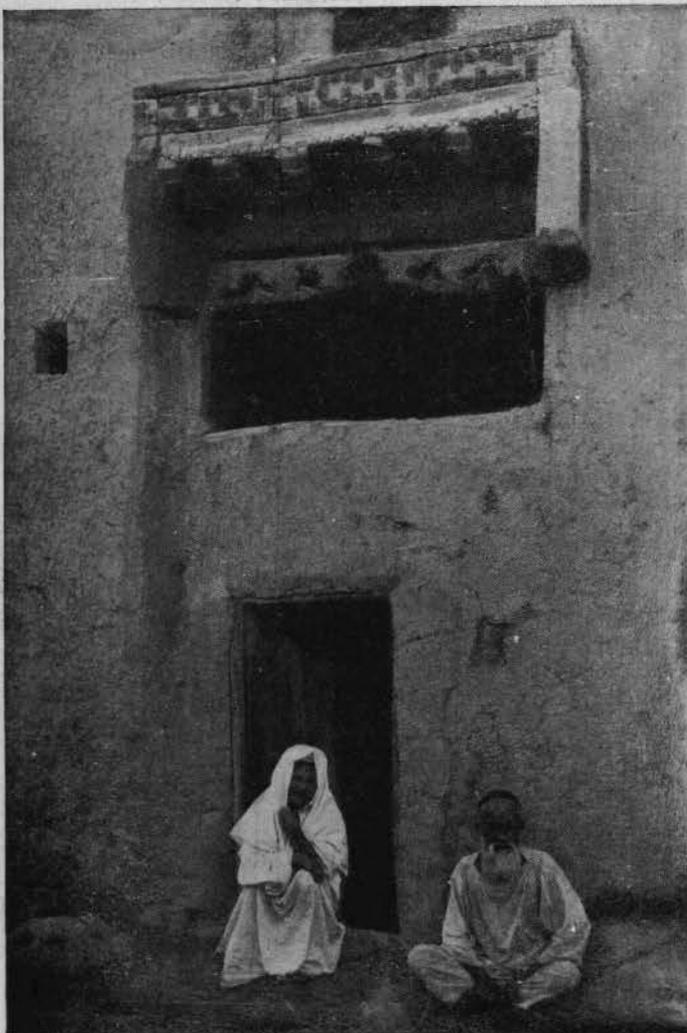
Вдоль западной стены участка расположены две комнаты с «да'лизом» — передней между ними, называемые «япбашуй», т. е. «боковые комнаты».

Дальше находится михман-хана, имевшая раньше самостоятельный вход с улицы через небольшой «да'лиз», из которого еще через один «да'лиз» был выход на «улу-эйван».

В планировке этого помещения уже отразился новый быт хивинцев. С тех пор как женщины сняли паранджу, отпала необходимость в михман-хане с изолированным входом. Прежде всего в описываемом доме была заложена дверь, ведущая в нее с улицы, а затем разрушена стена «да'лиза», ставшего совершенно излишним, и за этот счет увеличена «михман-хана».

Хива. Вход в жилой дом

Khiva. Entrée d'une maison d'habitation

В южной стороне двора расположено центральное помещение хивинского жилища — летний «улу-эйван», т. е. «большой эйван», «большая веранда». Это — высокий портик (в описуемом доме высота его равна 7,5 м), подпираемый посредине деревянной колонной, особенностью которого, как было уже сказано, является то, что он большей частью выше всех строений дома и всегда обращен на север.

Вследствие своей высоты, портик захватывает прохладный воздух, приносимый северными ветерками (последние, по словам населения, всегда прохладные). Этот воздух, опускаясь вниз, создает постоянные воздушные токи под «эйваном». К тому же, обращенный на север «эйван» всегда затенен.

Несмотря на высоту и затененность — «улу-эйвана», в некоторых домах для того, чтобы загнать ветер под «улу-эйван» и затенить еще больше пространство перед ним, над «эйваном», в виде дополнительного козырька сверху строится еще легкий навес, называемый «бодгир» (буквально «улавливатель ветра»). Он покрывается слоем циновок или досок и иногда обмазывается еще тонким слоем глины. «Бодгир» может быть наклонным, приподнимаясь от последнего края крыши «улу-эйвана» вверх, или горизонтальным. В последнем случае он приподнят над крышей «улу-эйвана» на высоту около 1 м.

Насколько удалось заметить, наклонные «бодгиры» бывают в домах, в которых «эйван» выше всех других строений, горизонтальные же там, где крыша «улу-эйвана» и построек, расположенных напротив него, находится на одной высоте и расстояние между ними (соответствующее открытому пространству двора) настолько невелико, что «бодгир» его целиком покрывает.

С юга к «улу-эйвану» примыкает комната, называемая «сарай» и служащая зимним помещением семьи. Как уже говорилось, она обычно бывает значительно ниже «улу-эйвана». В описываемом доме крыша «сарая» находится на высоте 4,5 м над землей и, следовательно, на 3 м ниже крыши «улу-эйвана». Роль «улу-эйвана», как огромного респиратора, стоящего перед «сараем», здесь становится совершенно ясной.

Еще дальше на юг за «сараем» находится «казнак» — кладовая, в которой есть также сток для воды, называемый в Хиве «адан», соответствующий бухарскому «ташнау».

По восточной стороне дворового участка расположено зимнее помещение «тур-уй» смежное с «казнаком», но не соединенное с ним дверью, и перед ним длинный, неправильной формы, коридор, являющийся передней, находящейся перед «тур-уй», и ведущий во двор. Над этим «да'лизом» (передней) есть второй этаж, называемый «теляк». Часть восточной стены между передней и кухней не застроена. В ней имеется крошечная дверка, ведущая в соседний двор, пройти через которую можно только согнувшись почти вдвое.

Стены хивинского дома чаще всего бывают каркасные, причем промежутки между стойками каркаса закладываются в большинстве случаев сырцовым кирпичом.

Говоря о хивинском жилище, нельзя не остановиться на очень интересной системе его отопления.

В хивинских жилищах не применяется распространенный во многих районах Средней Азии сандал. Здесь, до самого последнего времени, сохранился тип «курного» жилища, обогреваемого разжигаемым в нем жостром — «гульхан». Может быть, по этой причине потолки и стены хивинского жилища не украшались резьбой и росписью.

«Эйван» и «сарай» перекрыты открытыми потолочными балками, пространство между которыми оббито палочками, называемыми в Хиве «патык». Часто эти «патыки» кладутся не сплошь, а с промежутками. В этом случае они называются «холь-патык».

После революции в Хиве быстро начала распространяться круглая печка, устанавливаемая в одном из углов комнаты.

Необходимо сказать еще несколько слов о резьбе по дереву, щедро используемой в отделке хивинского жилища. В этой резьбе до последних лет сохранились удивительно высокие традиции художественного ремесла. Не только в богатых, но и во всех средних по зажиточности домах, входная дверь и некоторые двери жилых помещений покрыты резьбой. Резьбой украшаются и колонны, подпирающие крышу портика.

Колонны в Хиве редко имеют обычную для других районов (Ташкент) капитель. Здесь на верхний конец колонны под потолочной балкой кладется довольно длинная (1 м и более) подбалка, нечто вроде подушки, называемая в Хиве «боша», также покрытая резьбой.

Памяти
А.А СЕМЕНОВА

Александр Александрович СЕМЕНОВ (1873 — 1958)

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А.ДОНИША

ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕМЕНОВА

Сборник статей по истории,
археологии, этнографии и
искусству Средней Азии

Издательство "Дониш"
Душанбе — 1980

А. К. Писарчик

К ВОПРОСУ О ПРИПАМИРСКО-КАВКАЗСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Вопрос о связях между народами Средней Азии и Кавказа и параллелях в их хозяйстве, материальной культуре, верованиях за последнее время привлекает к себе внимание исследователей¹. Однако материал по этому вопросу пока еще невелик. Первоочередной задачей является выявление припамирско-кавказских параллелей в различных областях культуры и быта обоих регионов. Некоторые из имеющихся сведений, в частности по Средней Азии, публикуются впервые.

Неоднократно в аспекте припамирско-кавказских связей рассматривался припамирский кассетный срубный потолок — чорхона и его кавказские аналогии — грузинский дарбази (гвиргвини), армянский гарнауч. Впервые, насколько мне известно, это сходство было отмечено в печат-

¹ См., например: Андреев М. С. Потолок пригиндукушских стран и потолок "дарбази" в Закавказье (Пример древних культурных связей). — В кн.: Андреев М. С. Таджики долины Хуф, вып. 2. Сталинабад, 1958, стр. 267 и сл.; Писарчик А. К. Гл. Жилище. Там же, стр. 423, 436, 437, 470, 471; Литвинский Б. А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972, стр. 144-147 (здесь же приведены данные других исследователей, в том числе К. Йеттмара и Э. Парада); Лавров Л. И. Этнические и культурные связи Кавказа со Средней Азией и Казахстаном. Всеобщее археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г. Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, Изд-во "Фан", 1973, стр. 14, 15; Калоев Б. А. Некоторые параллели в горном земледелии у народов Северного Кавказа и Средней Азии. Там же, стр. 39, 40 и др.

ти М.Ильиной². Позднее было опубликовано посвященное этому вопросу небольшое исследование М.С.Андреева. Приводя известные ему факты бытования потолка типа чорхона в Припамирье, горном Таджикистане, в пещерных храмах Бамиана в Афганистане и в храмах Восточного Туркестана, а также в Закавказье, он пишет: "Можно предположить, что интересующий нас потолок был в свое время широко распространен на промежуточном пространстве, а потом исчез, сохранившись лишь в наиболее труднодоступных горных долинах"³. И далее: "Несомненно, что одновременно с потолком... в тех же направлениях, а возможно и дальше, должны были распространяться и другие проявления той же культуры. В силу этого в настоящее время, по моему мнению, выдвигается задача сравнительного изучения остатков старого быта, сохранившихся в Закавказье и Припамирье, выявления и установления параллелей старой культуры, встречающихся в обеих областях. Установление их наличия и характера, возможно, пролило бы свет на древние этапы этой культуры"⁴.

Предвидение М.С.Андреева подтверждается данными, выявленными рядом исследователей в самых разнообразных областях культуры и быта обоих регионов и даже шире — всей Средней Азии и Кавказа.

² И л ь и н а М. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 5. М., 1946.

³ А н д р е е в М. С. Потолок пригиндукушских стран и потолок "дарбази" в Закавказье, стр. 273.

Новыми данными, выявленными мной или опубликованными другими лицами за последние годы, ареал потолка типа чорхона значительно расширен. Однако я не привожу их здесь, так как они не влияют на изменение основной картины припамирско-кавказских связей, а кроме того, они изложены в подготавливаемой мной к печати работе, посвященной народной архитектуре Припамирья.

⁴ А н д р е е в М. С. Указ.соч., стр. 273.

В области хозяйственной деятельности выявлены параллели в горном земледелии. Занимающийся этими исследованиями Б.А.Калоев приходит к выводу, что сходство ряда черт объясняется общими географическими и социальными условиями, а также древними переднеазиатско- (и среднеазиатско) кавказскими культурными связями⁵.

Много сходных черт выявлено в области верований, в частности общие черты, связанные с посвящением коня умершему, в похоронной обрядности кавказских народов и таджиков некоторых районов, а также и других народов Средней Азии. Кавказский материал освещен Б.А.Калоевым в его докладе на УП Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, привлечем внимание исследователей⁶.

Интересные новые данные об участии в похоронном обряде коня, принадлежавшего умершему, обряженного в траурное убранство и сопровождавшего траурный кортеж, с последующим сохранением в течение трех дней этого траурного убранства записала М.А.Хамиджанова в верховьях Магиандарьи⁷. Мной в 1964 г. записано в к.Вир (долина р.Гунт, Шугнан), что в случае смерти богатого человека обряжали принадлежавшего ему коня и во время выноса тела выводили его перед покойником. Потом этого коня отдавали кому-нибудь из бедняков, причем передача эта совершалась не символически (как это имело место при совершении обряда выкупа грехов покойного в некоторых дру-

⁵ К а л о е в Б. А. Некоторые параллели в горном земледелии у народов Северного Кавказа и Средней Азии, стр. 40.

⁶ К а л о е в Б. А. Обряд посвящения коня у осетин. УП Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; Л и т в и н с к и й Б. А. Древние кочевники "Крыши мира", стр. 142, 143.

⁷ Х а м и д ж а н о в а М. А. Некоторые архаические погребальные обряды у таджиков. См. настоящий сборник, 287

гих местах, например в Каратегине)⁸, а насовсем. Если не было коня, то выводили и дарили вместо него быка. В этом обычае, имевшем в описываемом припамирском варианте уже характер жертвы, приносимой для обеспечения умершему благополучия на том свете (в Припамирье обряд выкупа грехов – давра отсутствовал), сохранились, по-видимому, черты былого посвящения коня умершему.

Очень древним является и еще один обычай припамирских таджиков, связанный с празднованием Нового года, который также имеет некоторые параллели с новогодними обрядами грузин и абхазцев. Ввиду того что в отношении таджиков в нем в литературе упоминаний нет, остановлюсь на нем подробнее.

Первые известные мне записи об этом обычае были сделаны в 1943 г. М.С.Андреевым в Хороге со слов пожилого шугнанца, уроженца Шахдары. Приведем некоторые выдержки.

"Как повсюду в верховьях Пянджа, празднику Нового года предшествовала чистка дома от накопившейся за год копоти, сажи. Считалось, что уничтожение этого означает также удаление несчастий, вредного влияния злых духов. Новый год нужно было встретить в чистоте и порядке...

После того как очистка закончена, помещение украшено, очищавшие моются, надевают свои одежды и приглашают войти в очищенный дом. Первым входит хозяин и возглашает: "Шогун боҳор муборак!" – "Да будет благословенна радость (благодать) весны!", так вслед за ним говорит всякий входящий в дом. (Если это посторонние, то они прибавляют это поздравление к своему обычному приветствию: "Салом алайкум", ответ "Ва алайкум бар салом"). Ответом на это служит, как и в других местах: "Ба руи шумо муборак!" – "И для вас да будет благословенно!". Каждому входящему, будь это мужчина, женщина или ребенок, хозяйка оказывает почтение, бросая ему щепотку муки на правое плечо, что называется буви...

⁸ См.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3, Душанбе, 1976, с. 133.

Считается, что входить человеку впервые в дом, после того как он очищен от копоти и пр., с пустыми руками не полагается. Нужно иметь в это время в руках что-нибудь такое, что можно было бы поднести находящимся в доме. В этом случае принято было поднести толстые ветви ивы, обрезанные от боковых веток и срезанные поперек сверху и внизу. На получившемся отрезке надрезали полосами кору и отдирали ее, спуская вниз. Делалось это в Припанджском Шугнани, долине Гунта и Шахдары несколько по-разному.

В Шахдаре брали палку и, начиная сверху, спускали тесьмообразными полосами вниз кору до того, что оставалась нетронутой только ручка. Срезав таким образом кору и спустив ее вниз по ручке в виде свисшего вниз султана с длинными отвесными перьями, оголенный конец палки срезали и такой своеобразный эгрет несли как подношение (рис. 1, а, 2).

В Шугнани, Хороге, Поршневе и ниже это делается несколько иначе. Длинная палка там размечалась на несколько колен, и кора задирается только в пределах колена, свисая по приближении к началу другого колена. Получается длинная палка со спускающейся с нее в определенных местах бахромью (рис. 1, б).

В Шугнани такую ветвь вносили, положивши себе на плечо, приблизительно как носят ружье (рис. 1, в), в Шахдаре же – держа вертикально за ручку и подняв ее вверх. Такие ветви изготавливаются только мужчинами – как для себя, так и для детей.

Хозяин сам прикрепляет такую "вербу" к потолку, откуда бахрома спускается вниз, а дети передают свои взрослым для соответствующего укрепления⁹.

Во время поездки в Припамирье в 1964 г. в составе экспедиции сектора этнографии Института истории им. А.Дониша АН ТаджССР я собирала дополнительные сведения о ритуальном предмете, вносимом в дом на Новый год,

⁹ Научный архив М.С.Андреева в Ин-те истории им. А.Дониша АН ТаджССР, Папка № 33, "Шугнан", стр. 6.

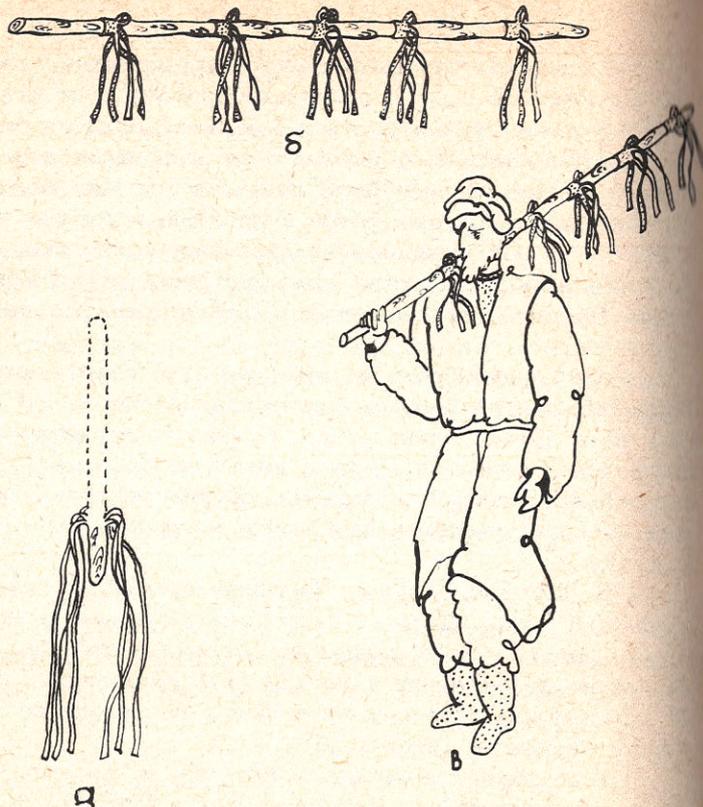

Рис. 1. Ритуальная новогодняя ветвь; а - способ изготовления ее в Шахдаре (Шугнан); б - способ изготовления ее в Хороге, Поршневе и ниже в Шугнани; в - способ внесения ветви в дом в Хороге, Поршневе и ниже. Схематические рисунки М.С.Андреева. 1943 г.

во всех посещенных пунктах. Этот обычай зарегистрирован в Вахане (кишлаки Лангар, Ширгин, Вранг, Внукут), Ишкашиме (к.Рын), Горане и Шугнани (долина р.Гунт, кишлаки Вир, Вирун; Припанджский Шугнан, Дарморахт, к.Пиш). В Вахане по моей просьбе были изготовлены новогодние палки, называемые там шогун, шогунбанд. Форма их похожа на второй вариант, описанный М.С.Андреевым (рис. 1, б),

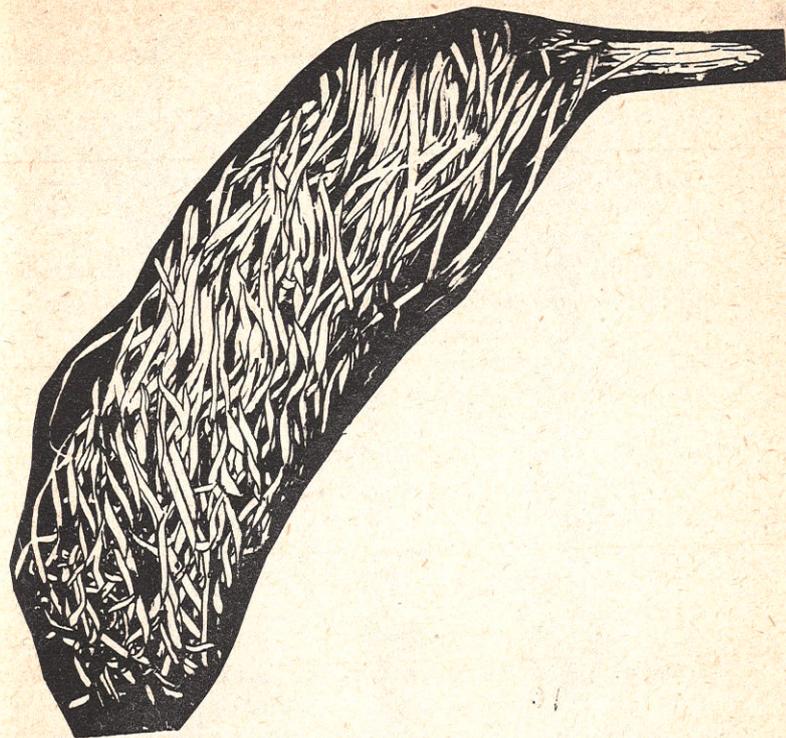

Рис. 2. Махак из Шахдары (к.Хидорджиев). В таком положении он прибивался к балке потолка. Сделан М.Имомкуловым. Дар Козибека Довудова. Привезен в 1965 г. этнографом И.Мухиддиновым. Хранится в этнографических фондах Института истории АН ТаджССР в Душанбе. КП 610-2. фото Р.Юсупова.

длина 1,7 - 2 м. Отличие изготовленных палок от описанных М.С.Андреевым в том, что на ваханских палках полоски коры не свешивались, а отделенные от ствола стояли раструбом. Встречен ряд вариантов их размещения: либо кора отделялась на всех членениях длиной 20-25 см, причем все раструбы были обращены в одну сторону (рис. 3, а), либо в каждом членении кора отделялась от краев к середине, где она оставалась нетронутой, таким образом, раструбы

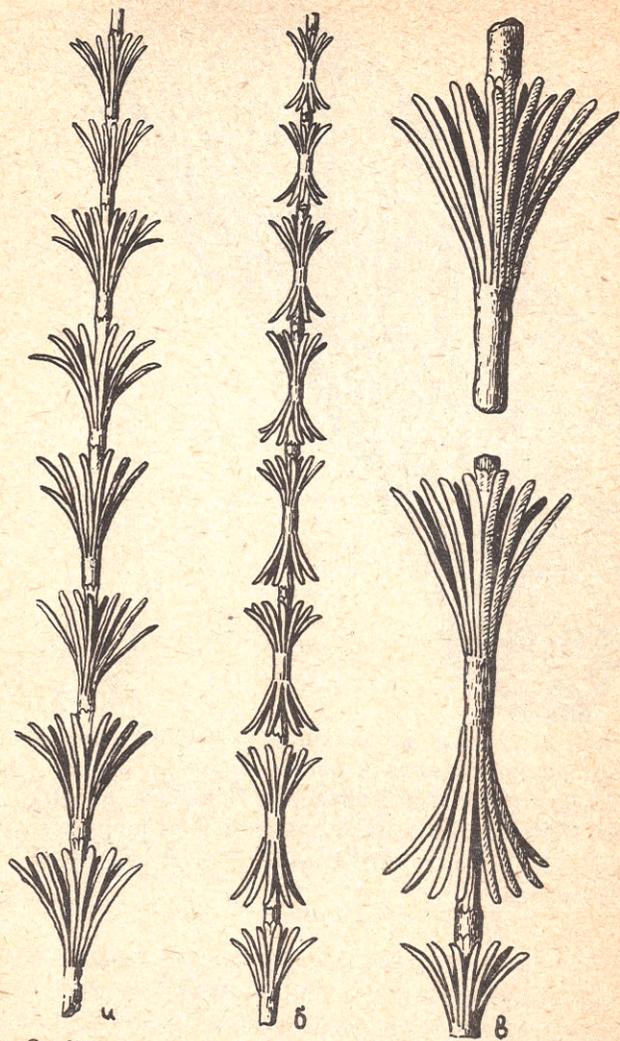

Рис. 3. Шогуны из Вахана: а - с надрезами и полосками коры, отогнутыми в одну сторону (так же делали шогуны в к.Вир в долине Гунта); б - шогуны с полосками коры, отогнутыми в разные стороны; в - деталь. Рис. А.К.Разыграевой. 1964 г. КП-577

расходились в разные стороны, соприкасаясь с такими же раструбами соседнего членения (рис. 3, б), либо между членениями оставались поперечные полоски нетронутой коры (рис. 4, а), иногда перемежающиеся с поперечными полосками очищенного от коры ствола (рис. 4, б), либо промежутки между раструбами соседних членений разделялись пространством ствола с вырезанным на нем орнаментом (рис. 4, в).

Делались, очевидно для детей, и совсем маленькие шогуны, или шогунбанды, 15-20 см длиной. Два таких шогуна были нами найдены в ваханском кишлаке Ширгин в б. замке, летней резиденции тамошнего ишана Саида Абдурахмона. Они были заткнуты за балку потолка в одном из небольших боковых жилых помещений (рис. 5, б, в).

В Вахане в убранный перед Новым годом дом с ветками шогун в руках входили и мужчины и женщины. Стоящая на краю нар с очагом хозяйка приветствовала входящих, бросая на правое плечо каждого щепотку муки. Шогуны, принесенные женщинами, затыкали за балки потолка над нарами с очагом, а принесенные мужчинами - над нарами у входа, называемыми "нижними" - пасраж. В самом верхнем ваханском кишлаке Лангар мы видели даже специальные небольшие помосты из жердей, укрепленные между столбами над соответствующими нарами, для складывания на них шогунов. О прикреплении шогунов к столбам или к балке потолка в Вахане, Ишкашине и Горане слышать не приходилось.

В таджикоязычном Горане (к.Андароб) описанный обычай существовал в таком же варианте. Как и в Вахане, здесь входили в дом с шогунами в руках и мужчины и женщины. И так же принесенные женщинами шогуны затыкали за балки потолка над нарами с очагом, а принесенные мужчинами - над "нижними" нарами - дукони пас.

В Шугнানে, в долине р.Гунт (к.Вирун), по ее среднему течению, вносимые в дом после его предновогодней очистки традиционные новогодние ветви ивы называются не только шогун, но чаще махак (от шугн. мах - бобы).

Махак изготовили при мне так. Взяв отрезок толстой ветки, мастер снял с нее острым ножом до половины тонкие

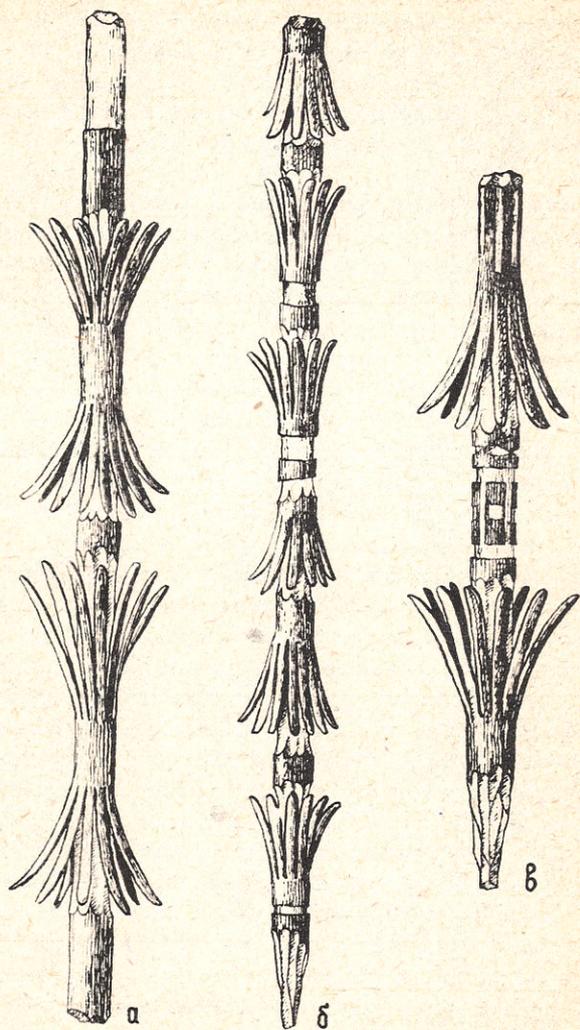

Рис. 4. Шогунуы из Вахана: а - из к.Вранг, б- из к.Внукут. Рис. А.К.Разыграевой. 1964 г. КП-577

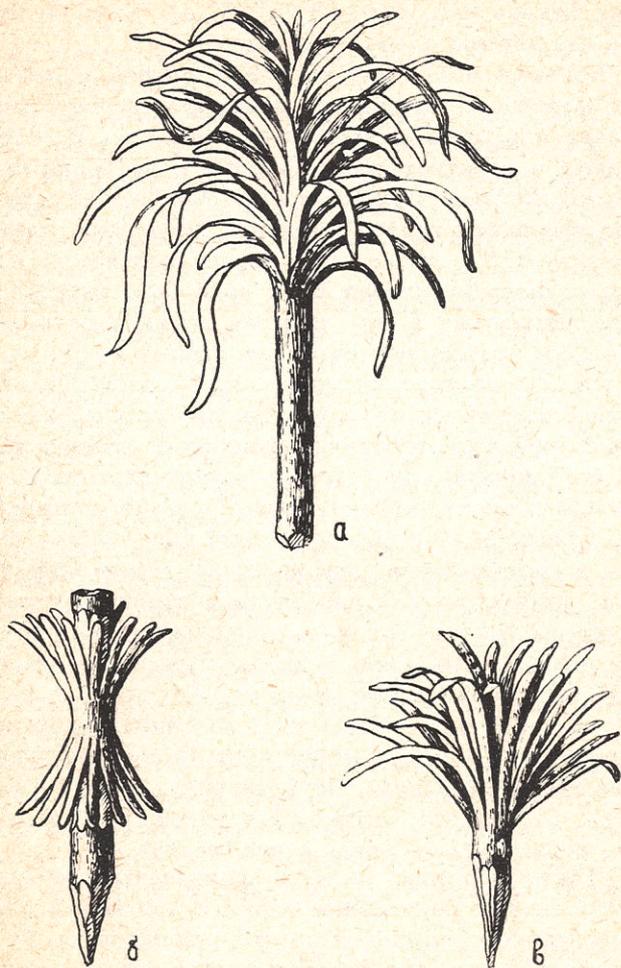

Рис. 5. Шогунуы: а- махак, изготовленный в 1964 г. Шо Искандаром Алибахшевым в к.Вирун (долина р.Гунт); б, в - детские шогунуы из к.Ширгин в Вахане. Рис. А.К. Разыграевой. 1964 г. КП-577

стружки, завивающиеся наружу и образующие своеобразное подобие букета или эгрета (рис. 5, а). Нижняя часть оставалась нетронутой — это была ручка.

Большой махак вносил в дом хозяин, а меньшие — прочие мужчины и мальчики. Женщинам здесь этого делать не полагалось. Махак, внесенный хозяином, прикреплялся на видном и почетном месте в доме — на балке центральной части потолка чорхона или на столбе. Он оставался там до праздника первой весенней ритуальной запашки (хидж-зивэст)¹⁰, когда его сжигали под котлом, в котором готовилась обрядовая пища коче (род густого мучного киселя). Вносимые в дом членами семьи и детьми небольшие шогуну затыкались за балки открытого потолка и оставались там до того времени, как в хозяйстве отелится корова. Тогда их сжигали в огне, на котором кипятилось молозиво для приготовления обрядового кушанья фала.

В Припанджском Шугнанае выше впадения Гунта в Пандж (Дарморахт, к.Пиш) Бозор Одинаев сообщил, что махак, приносимый в дом на Новый год, должен был обеспечить в наступающем году хороший урожай бобов. По его словам, помимо махака вносились и другие шогуну, которые должны были обеспечить обильный урожай других культур: проса — пиндж, ржи — лашак, пшеницы — жиндам. Названий этих шогуну мне записать не удалось. Это сообщение остается единичным, если не считать рассказа молодой сотрудницы сектора этнографии Института истории АН Таджикской ССР Зиннат Юсуфбековой, уроженки этого же кишлака, о том, что хозяин дома вносил в очищенный перед Новым годом дом не один, а два махака.

Таким образом, из всех приведенных материалов видно, что ивовые ритуальные палки с фестонами или кистями различного оформления из отодранной коры или стружки, вносимые в дом после предновогодней его очистки, бытова-

¹⁰ Шугнанское название этого праздника — хидж-зивэст означает "вывод волов". Хуфцы называют его раж-эзд — проведение (первой) борозды. Описание этого праздника в Хуфе см.: Андреев М. С. Таджики долины Хуф, вып. 2. Сталинабад, 1958, стр. 60-62.

ли на всей территории от Вахана до Шугнана включительно. При этом в Шугнанае шогун вносили в дом только мужчины, выше же Шугнана — от Горана до Вахана — и мужчины и женщины, причем вносимые представителями разного пола шогуну складывались отдельно.

Каковы известные нам кавказские параллели? В Закавказье у грузин к Новому году изготовляли ритуальный предмет, называемый чичилаги. Брели молодой побег орешника длиной в сажень и более и обтесывали его ножом со всех сторон во всю длину. Снимая стружку с одного конца палки, старались довести ее почти до другого конца, где она отгибалась в сторону от палки и свешивалась вниз. Обтесанную и обструганную часть палки отрезали на расстоянии 2-3 вершков от того места, где висели стружки. Затем на древке укрепляли горизонтальный обруч, свитый из виноградной лозы, и на нем размещали пирог, гранаты, яблоки и другие фрукты. В утро Нового года хозяин брал в руки чичилаги и обходил с ним дом и хозяйственные постройки, поздравляя их с Новым годом¹¹.

Еще одну кавказскую аналогию припамирскому шогуну мы находим в абхазской "алакумхе". Это жердь из крушины с крестовиной и небольшим кружком из ветки шиповника наверху. Ствол в нескольких местах взрезан ножом, кора отогнута и узенькими ленточками спущена вниз. Алакумха ставится в канун успенья на полях и дворах для предохранения от сглаза¹².

В то время как основная нижняя часть грузинского чичилаги изготавливается так же, как описанный М.С.Андреевым первый, шахдаринский вариант шогуну, т.е. стружки снимаются с ветви почти по всей ее длине и спущенные вниз образуют одну большую кисть, абхазская алакумха из-

¹¹ Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. Раздел "Древо жизни и изобилия", стр. 75 и сл.

¹² Религиозные верования народов СССР, т. 2. М.-Л., 1931, стр. 66, рис. 22.

готовляется, как второй вариант шогуна, распространенный, по данным Андреева, в Хороге, Поршневе, а по нашим данным, еще и в верхних кишлаках долины Гунта (к.Вир), а также в Вахане, Ишкашиме и Горане. Ветка разделена на несколько членений, кора надрезается на каждом из них и спускается несколькими короткими кистями.

Исследователи грузинского чичилаги рассматривают его как древо жизни и изобилия и связывают его с культом винограда¹³. Новогодняя функция его та же, что и припамирского шогуна: вносимый в дом хозяином или близким человеком, он должен был обеспечить дому обилие и процветание. В обоих случаях это предмет узко семейного употребления. Основное отличие заключается в том, что в припамирском шогуне отсутствует завершающий чичилаги круг, на котором размещены разные хлебы и плоды.

Как видно из изложенного, припамирский шогун (махак) тесно связан с культурой земледелия, в первую очередь бобов. В древности он служил одним из магических средств для обеспечения урожая земледельческих культур. Об этом свидетельствует обычай вносить махак в дом на Новый год, сжигать его на огне, на котором готовится ритуальное блюдо в день празднования первой запашки. О связи с животноводством свидетельствует обычай сжигать малые шогуны на огне, на котором готовится ритуальное блюдо из молозива отелившейся в хозяйстве коровы.

В заключение остановимся еще на одной припамирско-кавказской параллели, тоже являющейся частью новогоднего ритуала, которая имеет более широкий ареал. В Припамирье на Новый год рано утром на рассвете, до первой утренней молитвы, в дом стучался человек. В некоторых селениях это был сам хозяин дома, в других – сосед, в третьих – специальный поздравитель, обходивший все до-

¹³ Бардавелидзе В. В. Указ. соч., стр. 77; Д.К.Зеленин высказывает другую точку зрения: он сближает грузинский чичилаги с индоевропейским "майским деревом". Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937, стр. 71.

ма селения, выполняя эту функцию по наследству. Находившиеся в доме ожидали его, и начинался традиционный обрядовый диалог, имевший в разных местах несколько вариантов. Например, в Шугнанае пришедшего спрашивали: "Кто ты?" – "Я торговец мелочью (аттор)". – "Что ты принес?" – "Я принес счастье Ишкашима и Зебака"¹⁴. Или в Вахане: (Я привез) счастье Ишкашима, я привез счастье Зебака, привез счастье Шугнана, Бадахшана! Отворите дверь!"¹⁵ Впущенный в дом человек произносит традиционное новогоднее поздравление: "Поздравляю со счастливой (шогун) весной".

У грузин в новогоднем ритуале имеется сходный обряд. Хозяин подходит к своему дому, неся в руках описанный выше чичилаги, и требует открыть ему дверь. Между ним и находящейся в доме женой происходит разговор, сходный с описанным выше для Припамирья. Она спрашивает его, что он принес. В ответ он перечисляет всякое добро, в том числе размножение скота, обильный урожай, богатство. После этого он входит в дом и произносит традиционные слова поздравления с Новым годом¹⁶.

Описанный обрядовый новогодний разговор обитателей дома с пришедшим поздравителем имеет очень близкую аналогию в древнем новогоднем обряде домусульманского Ирана, описание которого дано автором середины 1X в. Мусой ибн Иса ал-Кисрави: "После того как царь надевал убор свой и открывал прием свой... входил к нему человек, угодный именем, испытанный (принесением) счастья, с веселым лицом, остроумный. Становился он против царя и говорил:

¹⁴ Неопубликованные записи М.С.Андреева, сделанные в Шугнанае в 1943 г. Научный архив М.С.Андреева в Ин-те истории им. А.Дониша АН ТаджССР, Папка № 33, "Шугнан", стр. 5 и сл.

¹⁵ Андреев М. С. и Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. – Сб. Музея антропол. и этногр. при Акад. наук, 9. Спб., 1911, стр. 28.

¹⁶ Бардавелидзе В. В. Указ. соч., стр. 75.

Разрешите мне войти" И спрашивал его царь: "Кто ты? И откуда приходишь? И куда идешь? И кто идет с тобой? И кем ты являешься? И что ты приносишь?" - И говорил тот: "... имя мое Худжаста (счастливей); привожу я с собой Новый год и приношу царю радостную весть и привет и послание".¹⁷ Далее описываются приносимые поздравителем дары, в том числе ветки различных деревьев, среди которых первой упоминается ива, которая характерна для припамирского шогуна.

Изложенные материалы подтверждают факт древних культурных связей между Припамирьем и Средней Азией в целом, с одной стороны, и Кавказом - с другой, примеры которых опубликованы рядом исследователей. Дальнейший сбор материала, несомненно, обогатит науку новыми важными и интересными данными, относящимися к доисламской Средней Азии и дохристианскому Кавказу.

Н. Н. Ершов

ГИССАРСКАЯ АЛАЧА

Таджикское селение Каратаг (Черная Гора) лежит в 50 км западнее Душанбе на территории Регарского района Таджикской ССР. В конце прошлого века Каратаг был летней резиденцией, куда на лето переезжал со своим гаремом и "двором" гиссарский бек, спасаясь от жары, лихорадок и миазмов заросших камышами болот, окружавших Гиссар.

В 1907 г. Каратаг был полностью разрушен землетрясением и никогда потом не восстанавливался полностью. Лишь после Великой Отечественной войны селение стало немного отстраиваться, и сейчас в нем насчитывается около 500 хозяйств.

Каратаг называли "кони касабар" - средоточием ремесел. Действительно, каратагские ремесленники были весьма многочисленны и широко известны. Можно сказать, что население было почти полностью обеспечено всеми нужными ему предметами потребления за счет изделий местного производства. Здесь было много искусных кузнецов, наиболее опытные из которых владели секретом изготовления дамасской стали. Каратагские ножи и сабли ценились не только в Бухарском ханстве, но и далеко за его пределами - в Афганистане, Иране и даже Малой Азии. По преданию, эмир Бухары послал в подарок турецкому султану саблю из дамасской стали работы каратагских мастеров.

В Каратаге было много и золотых дел мастеров, медников, литейщиков, деревообделочников, кожевников, сапожников, мыловаров и свечников, ремесленников, изготавливавших продукты питания - пекарей, кондитеров, содержателей чайных и столовых и пр.

Каратагские гончары были известны своей добротной

¹⁷ Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. Спб., 1909, стр. 88.